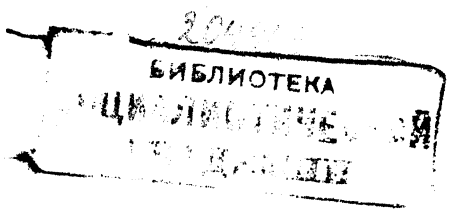
Религіозно-Философская
БИБЛІОТЕКА
Выпускъ V.

# ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО
и
# ЦЕРКОВЬ.

Л. Тихомировъ.

МОСКВА.
Университетская типогр., Страстной бульв.
1904.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 11 Февраля 1904 г.
Цензоръ іеромонахъ **Александръ**.



## I.

Въ настоящее время слышится много жалобъ на различные недочеты религіозной жизни и своей личной и чужой; множество лицъ ищутъ религіозной жизни и утверждаютъ, что не могутъ ея найти въ силу нѣкоторыхъ условій современной жизни. Въ чемъ заключаются эти условія, препятствующія религіозному существованію—объ этомъ говорятъ различно, обвиняя при этомъ рѣшительно всѣхъ и вся. Что нужно сдѣлать, чтобы отыскать недающуюся искомую религіозную жизнь—объ этомъ тоже говорятъ различно. Но вообще при этомъ менѣе всего

---

Примѣчаніе. Предлагаемое читателямъ разсужденіе г. Л. Тихомирова о „Личности, обществѣ и церкви“, первоначально опубликованное въ № 10 „Богословскаго Вѣстника“ 1903 г., для настоящаго изданія пересмотрѣно и дополнено авторомъ.

*Издатель.*

обращаютъ вниманіе на самое главное— на правильное соотношеніе личности и Церкви въ религіозной жизни. Между тѣмъ наши религіозные недуги едва ли не зависятъ болѣе всего отъ развитія *религіознаго индивидуализма*, въ связи съ ослабленіемъ *коллективной* религіозной жизни.

Всѣ мы съ дѣтства заучили догматическія положенія о единоспасающей церкви. Но есть разница между догматикой и популярными вѣрованіями, нерѣдко избирающими себѣ лишь нѣкоторыя излюбленныя части догматики и оставляющими другія части въ почетномъ небреженіи и малоизвѣстности. Таково и значеніе совмѣстной, церковной жизни для религіознаго существованія, представляющееся намъ лишь въ видѣ какой-то книжной формулы, реальный смыслъ которой мы уже плохо схватываемъ. Всѣ мы знаемъ тѣсную общественную связь первыхъ христіанъ, но склонны объяснять это особливой добродѣтелью, тогда какъ наоборотъ — духъ вѣры и добродѣтели порождались у нихъ вслѣдствіе ихъ тѣсной и дружной церковности.

## II.

Въ дѣйствительности, общественный, церковный элементъ, совмѣстная религіозная жизнь, составляетъ самое неотмѣнимое требованіе въ Христіанствѣ. Совмѣстная религіозная жизнь составляетъ Божественное учрежденіе и Божественную заповѣдь, не въ смыслѣ какой-то незначущей формы, а какъ *необходимое* условіе христіанскаго существованія, именно для того, чтобы развращенные приходили къ добродѣтели, а несвѣдущіе къ свѣту разумѣнія. Жизнь церковная, коллективная, вовсе не есть заключительное звено нашего религіознаго развитія, а его исходный пунктъ. Спаситель, Богъ всевѣдущій, лучше насъ зналъ развращенность и неразуміе человѣческое, но, устрояя дѣло спасенія нашего, указалъ съ самаго начала необходимость Церкви, Самъ ее учредилъ, и не отдѣльнымъ святымъ и пророкамъ, а Церкви Своей оставилъ права опредѣленія истины и руководство нами. Онъ заповѣдалъ ученикамъ не порознь, а вмѣстѣ, цѣлой церковью,

идти къ вѣчной жизни. Онъ и въ Первосвященнической молитвѣ Своей просилъ Отца: «Да будутъ всѣ *едино*, какъ Ты Отче во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ *едино*... «Я въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ *совершены* во едино»... Совершены--это значитъ, напомню, устроены, улажены... Исполненіе этой заповѣди Спасителя, постоянный призывъ къ совмѣстному совершенію своего спасенія, составили затѣмъ неизмѣнную заботу Апостоловъ, мужей апостольскихъ и всѣхъ учителей первенствующей Церкви

Напрасно было бы, для объясненія тѣсной совмѣстности религіозной жизни тѣхъ временъ, ссылаться на особливую святость христіанъ первенствующей Церкви. Не дремалъ грѣхъ и тогда, не разъ приходилось учителямъ Апостольской церкви обличать и наказывать своихъ духовныхъ дѣтей. Но обращаясь къ согрѣшавшимъ, они особенно увѣщавали ихъ къ совмѣстной, какъ бы слитой духовной жизни.

Посланія всѣхъ Апостоловъ въ этомъ смыслѣ одинаково краснорѣчивы. Жизнь христіанина у нихъ не мыслится внѣ коллективнаго существованія. Жизнь христіанина для нихъ есть созданіе Тѣла

Христова, которое есть Церковь. Общество христіанъ—это храмина, въ которой обитаетъ Христосъ, а люди—отдѣльные камни, изъ которыхъ строится храмина или башня, какъ иногда выражались. «И сами, какъ живые камни, устройте изъ себя домъ духовный», пишетъ Апостолъ Петръ (I, 2—5). Въ извѣстной книгѣ Ерма «Пастырь», писанной около 125 лѣтъ по Р. Х., Церковь уподобляется башнѣ, которая строится Ангелами изъ камней (люди), доставаемыхъ въ водахъ (крещенія). Камни такъ гладко пригнаны, что башня кажется слитой изъ одного. Плохіе же камни, не сходящіеся такъ слитно, или обтесываются или совсѣмъ отбрасываются. Слитность христіанъ поэтически образно символизируется въ древней евхаристической молитвѣ «Ученія 12 Апостоловъ» (2-го вѣка). «Какъ сей преломляемый хлѣбъ былъ разсѣянъ по холмамъ и долинамъ и собранный вмѣстѣ сталъ единымъ, такъ и церковь Твоя отъ краевъ земли да соберется въ Царствіе Твое». Св. Игнатій Богоносецъ, ближайшій ученикъ Апостоловъ, во всѣхъ посланіяхъ твердитъ о единеніи. «Всѣ вы, пишетъ онъ Магнезійцамъ, составляете изъ себя какъ бы

одинъ храмъ Божій, какъ бы одинъ жертвенникъ, какъ бы одного Іисуса Христа». «Никто да не обольщаетъ себя, поясняетъ онъ: кто не внутри жертвенника, тотъ лишаетъ себя хлѣба Божія». «Не думайте, чтобы вышло что-либо похвальное, если будете это дѣлать сами по себѣ, но въ въ общемъ собраніи да будетъ у васъ одна молитва, одно прошеніе, одинъ умъ, одна надежда въ любви и радости непорочной» (Магнез. гл. 7). «Старайтесь собираться чаще, пишетъ онъ Ефесянамъ, ибо если вы часто собираетесь вмѣстѣ, то низлагаются силы сатаны и единомыслiемъ вѣры вашей разрушаются гибельныя дѣла его» (гл. 12).

Посему то: «Вмѣстѣ подвизайтесь, вмѣстѣ совершайте путь спасенія, вмѣстѣ терпите, вмѣстѣ успокаивайтесь, вмѣстѣ вставайте, какъ Божіи домостроители, домочадцы и слуги» (Поликарпу, гл. 6).

Апостолъ Варнавва, сотрудникъ Павла, точно также наставляетъ христіанъ: «Вы не должны отдѣляться отъ другихъ, какъ будто вы были оправданы, но, собираясь въ одно мѣсто, изслѣдуйте, что прилично и полезно возлюбленнымъ вообще» (Посл. гл. 4).

Св. Климентъ, скончавшійся въ 68 году, настаивая на единеніи, говоритъ: «Прилѣпитесь къ святымъ, ибо прилѣпляющіеся къ нимъ освятятся» (Коринф. 1—46). Онъ приводитъ обычное уподобленіе Церкви тѣлу: «Такъ пусть будетъ здраво и все наше тѣло о Христѣ и каждый повинуется ближнему своему сообразно со степенью. на которой онъ поставленъ дарованіемъ Его».

Все это голоса древнѣйшей Церкви, но ея голосъ мы слышимъ и понынѣ.

Въ своемъ Катихизисѣ мы учимъ: Вопросъ: «Не должно ли признавать *необходимо нужнымъ* для спасенія, чтобы вѣрующій къ ней (Церкви) принадлежалъ?» Отв. «Совершенно такъ... Дабы имѣть участіе въ Его спасеніи (Христа)—необходимо нужно быть членомъ Его тѣла, т. е. Каѳолической Церкви». Это мы постоянно указываемъ раскольникамъ. Посланіе Восточныхъ Патріарховъ, обличая еретиковъ, говоритъ, что «оставляя церковь, они бываютъ оставляемы св. Духомъ и не остается въ нихъ ни знанія, ни свѣта, но тьма и ослѣпленіе». Нашъ вѣроучитель, Филаретъ митрополитъ Московскій, замѣчаетъ: «Помыслимъ, что сколь неодолима

она (Церковь) въ своей полнотѣ и цѣлости, столь же напротивъ каждый изъ *стоящихъ въ ней порознь* долженъ опасаться нападенія и одолѣнія» (*Слова и рѣчи*, т. II, стр. 411). Это выраженіе «стоящихъ въ ней порознь» указываетъ на опасности религіозной изолированности, хотя бы не доходящей до раскола, а только держащей насъ внѣ живого участія во всей полнотѣ Христіанской общественности, которая связываетъ личность и съ Богомъ, и съ людьми, и съ цѣлями міровой Исторіи.

---

## III.

Несмотря на ясность этого вѣкового призыва, мы съ нимъ теперь очень мало сообразуемся, безъ сомнѣнія до нѣкоторой степени потому, что не понимаемъ его смысла.

Человѣкъ, для того чтобы исполнять требованіе дѣйствительно, а не только для формы,—долженъ понимать, *зачѣмъ* нужно требуемое отъ него? Древніе христіане и понимали, почему имъ лично нужна Церковь, общество, и почему они

сами нужны для этого общества, и къ чему ихъ обязываетъ эта взаимная надобность. Потому-то религіозная жизнь имѣла у нихъ такое всепоглощающее значеніе. Теперь положеніе измѣнилось. Религіозная жизнь не испомѣщаетъ всѣхъ силъ человѣка, ибо ея содержаніе въ его пониманіи очень сузилось. Что такое религіозная жизнь? Обыкновенно отвѣчаютъ: «общеніе съ Богомъ». Но что такое это общеніе? Каково его содержаніе? Каковы его послѣдствія въ содержаніи нашей жизни? Древній христіанинъ все это прекрасно понималъ, нынѣшній въ большинствѣ случаевъ почти не понимаетъ...

Можетъ быть это зависитъ отъ того, что нынѣ это мало и плохо разъясняютъ. Можетъ быть, что стало труднѣе уловить должное содержаніе нашей религіозной жизни съ тѣхъ поръ, какъ Церковь стала со всѣхъ сторонъ заливаться волнами «міра». Однако, чѣмъ сложнѣе положеніе, тѣмъ нужнѣе знать, какъ среди него устроить свою душу, то есть знать истинное содержаніе религіозной жизни, которое христіанствомъ ставится въ такую тѣсную связь съ общественностью.

Одно изъ послѣдствій суженіе нашихъ представленій о церковной идеѣ, составляетъ то обстоятельство, что въ наше міросозерцаніе, а затѣмъ и въ практику жизни, теперь врывается все въ болѣе ненормально расширенной степени одно изъ могущественнѣйшихъ «мірскихъ» попеченій—именно о строѣ соціальномъ. При всей важности и даже высотѣ своей, идея соціальная, въ дѣйствительности ниже церковной по своему содержанію и міровому значенію. Фактически же соціальная идея начинаетъ затушевывать въ умахъ идею церковную, и даже являются тенденціи испомѣстить идею религіозную въ среду соціальную, обществомъ поглотить церковь.

Человѣческое общество, какъ міровое явленіе, чаруетъ умы своей силой, стройностью, благодѣтельностью. На соціальную среду переносится почти религіозное благоговѣніе. «Жить для общества», «жить общественными интересами»—это для множества лучшихъ людей нашего времени не пустыя слова, а выраженіе наиболѣе великаго ихъ нравственнаго содержанія, за которое они готовы отдать жизнь, ибо безъ него ихъ жизнь была бы пустой и

безсмысленной. Церковная же идея потускнѣла въ умахъ.

Что значитъ жить для общества—всякому кажется понятнымъ. Понятнымъ кажется и вопросъ, какъ въ этомъ служеніи помѣстить свои силы. Но что значитъ жить для Церкви? Значитъ ли это сдѣлаться по малой мѣрѣ псаломщикомъ? Или чиновникомъ духовнаго вѣдомства? Жизнь церковная начинаетъ казаться лишь какимъ-то спеціальнымъ уголкомъ человѣческой жизни, средой «удовлетворенія религіозныхъ потребностей», подобно тому какъ есть учрежденія для удовлетворенія естетическихъ потребностей и т. д.

Это затираніе церковной идеи общественною составляетъ явленіе крайне вредное и опасное для личности и человѣчества. Это—обманъ, стремящійся отвлечь насъ отъ наиболѣе высокой жизни и погрузить въ относительно низкую. Это обманъ, стремящійся задушить высшую жизнь, подчинивъ её низшей, и заглушить въ насъ, людяхъ, источникъ нашей истинной силы. Для избѣжанія этой опасности современный человѣкъ долженъ возможно лучше уяснить себѣ дѣйствительное соотношеніе между церковью и соціаль-

ной жизнью, и истинное мѣсто своей личности въ томъ и другомъ проявленіи общественности.

---

## IV.

Вопросы церковности въ связи съ общественными у насъ особенно разрабатывалъ В. С. Соловьевъ, и въ этой области имѣетъ, отчасти, неоцѣнимыя заслуги. У него христіанинъ задавалъ себѣ вопросъ о своемъ отношеніи ко всему міру, ко всей исторіи, ко всѣмъ задачамъ Божіяго промышленія о людяхъ. Задача личнаго спасенія у Владиміра Соловьева постоянно разсматривалась въ связи съ обязанностями христіанина какъ «Божія домостроителя». Это обнаруженіе жизненности и всесторонности религіозной жизни составляетъ огромную заслугу В. Соловьева.

Мнѣ особенно пріятно выразить это, потому что мнѣ не мало приходилось полемизировать противъ покойнаго философа. Но я долженъ повторить и теперь, что его ученіе пестрило множествомъ

ошибокъ, опасныхъ даже не столько для него, какъ для его послѣдователей. Одной изъ причинъ этихъ ошибокъ было то, что для В. Соловьева была недостаточно ясна природа *соціальной* жизни, вслѣдствіе чего и отношеніе церковности къ соціальной жизни устанавливалась имъ невѣрно. При этой постановкѣ почти неизбѣжнымъ выводомъ является хиліазмъ, отъ котораго и самъ онъ былъ очень недалекъ.

«Явленіе новаго *духовнаго человѣка* во Христѣ, говоритъ Соловьевъ, есть сосредоточіе всемірной Исторіи. Конецъ же или цѣль этой исторіи есть явленіе *духовнаго человѣчества*». Эта цѣль, по Соловьеву, достигается какъ путемъ личнаго усовершенствованія, такъ и путемъ улучшенія *общественныхъ отношеній*» (Осн. Дух. Жизни, гл. 3). Такую постановку Соловьевъ основывалъ на томъ, что «между лицомъ и обществомъ существуетъ обоюдная зависимость»... «Общество слагается изъ лицъ, но и лица живутъ только въ этомъ сложеніи и гибнутъ въ одиночествѣ... Поэтому улучшить человѣчество однимъ личнымъ дѣйствіемъ, т. е. прямымъ дѣйствіемъ на отдѣльныя лица, также невозможно, какъ исцѣлить боль-

ной организмъ, дѣйствуя на каждую его клѣточку въ отдѣльности». «Человѣчество» представлялось Соловьеву, по довольно уже устарѣлымъ теоріямъ—чѣмъ-то коллективно цѣлымъ, въ родѣ организма, и на этой почвѣ доходитъ онъ даже до формулы «*Общество есть дополненная и расширенная личность, а личность—сжатое и сосредоточенное общество*» (Оправд. Добра, 203). Все это крайне фантастично съ соціологической точки зрѣнія, а между тѣмъ служитъ основой для ряда важнѣйшихъ выводовъ. «Чтобы возродить все человѣчество, *христіанство*, по Соловьеву, должно проникнуть не только его личныя, но и *общественныя* стихіи». «Богочеловѣческая связь должна быть возстановлена не только лично, но и собирательно». При этомъ «Божественная стихія имѣетъ свое собирательное выраженіе въ церкви», а «чисто человѣческая стихія имѣетъ подобное же выраженіе въ государствѣ». Отсюда въ сочетаніи ихъ для Соловьева является идеалъ христіанскаго государства.

Во всей этой теоріи своей В. Соловьевъ страшно раздувалъ значеніе соціальнаго строя (который смѣшивалъ съ *человѣчествомъ*) и, тѣмъ самымъ умалялъ

значеніе Церкви, въ дѣйствительности составляющей реализацію «духовнаго человѣчества» и единственную форму общественности, въ которой можетъ осуществиться *собирательно* Богочеловѣческая связь.

Преданный Церкви, Соловьевъ, вопреки намѣреніямъ своимъ, отнималъ у ней, въ пользу соціальныхъ фантазій, ея дѣйствительное значеніе.

Чтобы понять содержаніе религіозной жизни во всей ея полнотѣ, необходимо понять дѣйствительное мѣсто *религіозной общественности* (т. е. Церкви) въ той общей жизни вселенной, которая составляетъ среду нашего человѣческаго существованія.

Попытаемся же это сдѣлать.

---

## V.

Разсматривая общую міровую жизнь, мы видимъ въ ней какъ бы нѣсколько возвышающихся одинъ надъ другимъ этажей—особыхъ категорій явленій или процессовъ: жизнь неорганическая, органи-

ческая, животная, и жизнь духовная. Человѣкъ внѣдренъ во всѣ эти категоріи явленій, спускаясь до самыхъ низшихъ и восходя до высшихъ.

Всѣ эти категоріи явленій, при коренномъ различіи нѣкотораго особаго принципа или элемента, ихъ одна отъ другой отличающаго, подчинены общему закону *единенія*, существованія собирательнаго, коллективнаго. Этотъ законъ каждая категорія явленій осуществляетъ по своему, но ни одна изъ нихъ отъ него не уклоняется. Природа, въ предѣлахъ каждаго слоя явленій, все объединяетъ въ нѣкоторый общій, стройный, гармоническій порядокъ коллективности.

Такъ мы видимъ стройный кругъ явленій въ мірѣ неорганическомъ—въ комбинаціи небесныхъ тѣлъ, въ комбинаціяхъ силъ и веществъ физическихъ и химическихъ.

Въ мірѣ живомъ, органическомъ—мы видимъ сліяніе основныхъ его элементовъ въ одинъ цѣлый организмъ.

Въ мірѣ животномъ мы замѣчаемъ соціальность, какъ общій законъ существованія особей. Къ этой общественности примыкаетъ и человѣкъ въ своемъ соціальномъ существованіи.

Библиотека

Въ соприкосновеніи съ духовнымъ міромъ, является новый строй—Церковная коллективность.

Человѣкъ, какъ учитъ насъ вѣра, заключаетъ въ себѣ три разнородныхъ элемента: *матеріальный*, который его привязываетъ къ природѣ неорганической и органической, *душевный*, который общъ ему со всѣмъ животно-органическимъ міромъ, имѣющимъ «душу живу», и наконецъ *духовный*, въ которомъ человѣкъ выходитъ изъ міра явленій матеріальной и видимой природы.

Не пускаясь въ догадки о томъ, какой смыслъ имѣетъ эта тройственность природы человѣка въ общихъ цѣляхъ Божественнаго мірозданія, и оставаясь въ предѣлахъ точныхъ данныхъ науки или ясныхъ указаній Откровенія,—мы должны признать, что эти три категоріи явленій стоятъ рядомъ прочно и незыблемо, и одна въ другую эволюціонно не переходятъ.

Каждая изъ нихъ составляетъ лишь нѣкоторую подпочву для высшихъ слоевъ. Законы неорганической природы образуютъ подпочву для жизни органической, а эта послѣдняя въ свою очередь—для жизни

животной. Въ сферѣ животной возникаетъ общественность, при чемъ органическая жизнь даетъ подпочву для жизни соціальной. Въ свою очередь соціальная жизнь тѣхъ существъ, которыя обладаютъ духовнымъ элементомъ, даетъ подпочву для жизни Церковной. При этомъ законы низшаго слоя каждый разъ кое-что уясняютъ намъ въ законахъ высшаго, такъ какъ не исчезаютъ въ нихъ совершенно, а только подчиняются новому *высшему организаціонному принципу*.

Должно однако настойчиво повторить, что эволюціоннаго перехода одной категоріи явленій въ другую не существуетъ. Эволюціонная идея, когда ее распространяютъ до такихъ предѣловъ, становится источникомъ чистыхъ фантазій, искажающихъ и точную науку и религіозную философію. Точная наука совершенно отбросила гипотезу о зарожденіи живого вещества изъ мертваго; пониманіе общества, какъ нѣкоторой *органической особи*, тоже разрушено уже въ Соціологіи. Модное нынѣ оцерковленіе соціальной среды точно также должно быть признано стремленіемъ фантастическимъ.

## VI.

Общество не есть ни организмъ, ни церковь, а явленіе совершенно особаго разряда. Соціальная жизнь составляетъ законъ существованія міра животныхъ. «Совмѣстная жизнь, говоритъ Эспинасъ («Соціальная жизнь животныхъ»), не составляетъ случайнаго явленія, она повторяется не по прихоти или какому-нибудь капризу то тамъ, то здѣсь, это не привилегія лишь отдѣльныхъ зоологическихъ видовъ, а нормальный постоянный и всемірный фактъ. *Соціальная среда составляетъ необходимое условіе сохраненія и обновленія жизни*».

Необходимо однако различать совмѣстную жизнь, какъ законъ біологическій и какъ законъ зоологическій. [1]) Въ пер-

[1]) Этотъ вопросъ я 20 лѣтъ назадъ разсматривалъ въ статьѣ „Общественность въ природѣ“ („Дѣло“, 1882 №№ 11 и 12, подъ псевдонимомъ И. Кольцовъ). Съ того времени мое міровоззрѣніе дополнилось многимъ, чего тогда въ немъ не было, но по существу указываемое различіе въ ней проведено очень вѣрно.

вое время развитія общественной науки, соціологи и біологи были одинаково поражаемы сходствомъ явленій біологическихъ и соціальныхъ. Соединеніе клѣточекъ и органовъ, стройно соподчиненныхъ между собою, невольно напоминало строеніе общества и государства, и обратно—строеніе общества напоминало соціологу строеніе организма. Отсюда явилась въ Соціологіи органическая идея, наша общественность была поставлена въ разрядъ явленій біологическихъ, высшаго вида. Родилось соціально-философское представленіе о человѣкѣ, какъ нѣкоторомъ безсмертномъ коллективномъ существѣ, въ которомъ личности—не болѣе какъ смѣняющіяся клѣточки одного организма. Это воображаемое коллективное существо—Человѣчество, было Огюстомъ Контомъ возведено даже въ санъ Божества, котораго религія еще и понынѣ не вполнѣ исчезла.

Однако дальнѣйшіе успѣхи въ наблюденіи соціальныхъ явленій разрушили эти скороспѣлыя отождествленія, основанныя только на аналогіяхъ.

Прежде всего *общественность* никоимъ образомъ не можетъ быть поставлена въ

въ связь съ воображаемой коллективностью *человѣчества*.

Коллективная жизнь свойственна всему животному міру, но она объединяетъ не всю совокупность животныхъ или хоть особей одного даннаго вида въ одно цѣлое, а только нѣкоторыя отдѣльныя части его, вошедшія въ общеніе между собою, и при этомъ обособившіеся еще сильнѣе отъ остальныхъ особей того же вида. Волки образуютъ семьи и стаи, но всѣ особи волковъ Земного Шара не составляютъ никакого коллективнаго „волчества“. Точно также и „человѣчества“, какъ нѣкотораго коллективнаго существа, не было и нѣтъ. Если бы даже всѣ люди Земного Шара соединились въ одно государство, то и это было бы все таки лишь *всемірное общество*, а не *коллективное существо*. И это не есть схоластическій споръ о терминахъ. Дѣло въ томъ что наука обнаруживаетъ коренное различіе между организмомъ и обществомъ, между коллективностью біологической и коллективностью соціальной.

Эспинасъ, не умѣющій отдѣлаться вполнѣ отъ застарѣлыхъ отождествленій, тѣмъ не менѣе прекрасно характеризуетъ эту коренную разницу.

„Въ обществѣ, говоритъ онъ, все принимаетъ новый обликъ: изъ нѣдръ организма (?) возникаетъ своеобразный міръ (т. е. общество), управляемый тѣми же (?) законами, но совершенно *отличный* отъ него, такъ какъ въ немъ идеи или представленія замѣняютъ роль очертаній и желанія замѣняютъ роль движеній". „Общество, говоритъ онъ, создается *сознаніемъ*: общество есть живое сознаніе или организмъ *идей*". Эспинасъ уже долженъ вмѣсто старыхъ отождествленій, формулировать, что „Соціологія развивается параллельно съ *Психологіей*, но подобно ей имѣетъ свои корни въ Біологіи, хотя и значительно отъ нея отличается". Но если мы посмотримъ на вопросъ безъ застарѣлыхъ предвзятостей, то должны прямо сказать, что въ соціальномъ мірѣ имѣемъ передъ собою совершенно особый слой явленій, не біологическаго разряда, а *психологическаго*.

То сходство между организмомъ и обществомъ, которое столь поражало соціологовъ, зависитъ исключительно отъ того, что и въ организмѣ и обществѣ находятъ примѣненіе законы безсрочно длящейся *кооперации*.

Но этимъ сходство и исчерпывается, ибо *особи*, входящіе въ кооперацію, въ организмѣ (въ Біологіи) и въ обществѣ (въ Соціологіи)—совершенно различны, и потому самый характеръ ихъ кооперацiи представляетъ глубочайшія различія.

Въ общественности мы, поэтому, имѣемъ особенный слой явленій, который можетъ быть названъ *надъ-органическимъ* міромъ.

Когда множество особей сосуществуютъ и кооперируютъ, порождая новыя поколѣнія особей, входящихъ въ кооперацію въ то время, когда старыя постепенно вымираютъ,—то возникаетъ рядъ явленій, зависящихъ не отъ произвола отдѣльныхъ особей, а отъ самыхъ *законовъ кооперацiи* и отъ *среднихъ свойствъ* животнаго существа.

Каждый новый пластъ общества нарастаетъ на основѣ того, что было сдѣлано предшественниками, на ихъ наслѣдствѣ, на накопленныхъ условіяхъ, привычкахъ, учрежденіяхъ, которыя тѣмъ прочнѣе, чѣмъ больше выражаютъ средніе свойства животнаго существа. Такъ создается органическій элементъ общества, который справедливо такъ назы-

вается, ибо онъ выражаетъ условія преемственной самосоздающей организаціи.

Этотъ органическій элементъ имѣетъ характеръ принудительный для насъ, какъ все выражающее законы природы. Въ теченіе вѣковъ и въ каждую отдѣльную минуту совмѣстное существованіе особей опредѣляется средней линіей ихъ воль, чѣмъ и ограничивается каждая отдѣльная воля, и сверхъ того всѣ воли вмѣстѣ принуждены дѣйствовать по законамъ кооперації, которые зависятъ не отъ нашей воли, а отъ природы самаго *факта* кооперації. Кооперація, въ существахъ сознательныхъ или безсознательныхъ, имѣетъ нѣкоторыя общія свойства: суммированіе силы, раздѣленіе труда, координированіе отдѣльныхъ усилій, а стало быть существованіе нѣкоторыхъ направляющихъ центровъ и исполнительныхъ органовъ... Все это законы, въ глубинѣ своей нисходящіе къ механикѣ и физикѣ. Они зависятъ отъ свойствъ самаго *вещества*. Но въ природѣ неорганической — дѣйствіе этихъ законовъ составляетъ рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ. Въ природѣ же органической, которая безпрерывно порождаетъ и размножаетъ себя, дѣйствіе зако-

новъ кооперации преемственно, и органическая жизнь именно и состоитъ въ томъ, что какая то таинственная сила (которою мы называемъ жизнью) *связываетъ мертвое вещество въ длящійся процессъ преемственной кооперации*. Это основной внѣшній признакъ органической жизни.

Когда является общество, законы кооперации повторяются и въ немъ. Совмѣстной жизни безъ нихъ не можетъ быть. Въ этихъ то законахъ и состоитъ сходство общества съ организмомъ, то есть проявленіе въ общественности того же, что наблюдается въ Біологіи.

Но, съ точки зрѣнія чисто естественнонаучной можно, въ общей схематической формулѣ, сказать, что въ организмѣ входятъ въ кооперацію простыя *протоплазматическія клѣточки*, а въ общественности—одни только *нервные центры*. Это огромное различіе означаетъ, что въ Біологіи происходитъ кооперація живого *вещества*, а въ Соціологіи — кооперація *личностей*.

Вещество, охваченное тѣмъ таинственнымъ процессомъ, которое мы называемъ живымъ состояніемъ, сливается въ клѣ-

точки, которыя въ свою очередь при малѣйшемъ совмѣстномъ сближеніи сливаются между собою въ болѣе сложные аггрегаты, и образуютъ *организмъ*. О клѣточкахъ мало сказать, что онѣ имѣютъ способность сливаться въ организмъ: онѣ прямо не способны удержаться отъ сліянія. Такъ, если нѣсколько штукъ *Circinalium concrescens*, находясь по близости, разрастаются до соприкосновенія — онѣ сливаются въ одно такъ называемое «колоніальное животное». *Manobiae confluentes*, начиная совмѣстно высасывать какую нибудь крупинку, соединяются своими лучами и тоже сливаются въ колонію, хотя могутъ иногда опять распадаться. Обыкновенныя губки въ молодости живутъ независимо, но потомъ, прикрѣпляясь въ одномъ мѣстѣ, немедленно начинаютъ сливаться, причемъ отдѣльная губочка, смотря потому въ какое мѣсто скопленія случайно попала — становится, то органомъ питанія, то органомъ пищеваренія, то извергательнымъ каналомъ. Вообще законъ простого живого вещества состоитъ въ сліяніи, результатомъ котораго является организмъ.

Но при кооперації организмовъ этого

сліянія уже нѣтъ. Здѣсь надъ безпредѣльнымъ дѣйствіемъ законовъ органическихъ является нѣкоторая контролирующая *личность*. Она при кооперації не уничтожается, а остается сама собою.

И вотъ соціальныя явленія, соціальная связь, происходятъ только въ мірѣ *животныхъ*, гдѣ есть *особь, личность*, при чемъ вся связь держится не на почвѣ общихъ свойствъ животнаго вещества, а на почвѣ исключительно *психологической*, на почвѣ *чувства, представленія и воли*. Эти контролирующія личности только находятся въ *общеніи*, но не сливаются, и даже не способны къ сліянію, ибо самая сущность ихъ состоитъ въ индивидуальности. Если бы особи слились, онѣ уничтожились бы. Организмы, въ отличіе отъ простого живого вещества, способны поддерживать свою жизнь только тогда, пока они отдѣльны, и сами завѣдуютъ отправленіями своихъ органовъ. Если бы мы вздумали превратить цѣлый организмъ только въ сердце, только въ легкія или мозгъ, вообще только въ особый органъ — этотъ организмъ немедленно погибнетъ.

Поэтому *коллективная соціальная личность* не только не существуетъ, но са-

мая идея о ней есть абсурдъ, логическая невозможность, сама въ себѣ заключающая противорѣчіе.

---

## VII.

Соціальный порядокъ не производитъ *коллективной особи*, и его міровое значеніе состоитъ именно въ развитіи *особи индивидуальной*. Въ этомъ отношеніи общественность имѣетъ для личности, для человѣка, огромнѣйшее значеніе.

Общественность составляетъ орудіе выработки личности и это достигается примѣненіемъ кооперації между именно *самостоятельными* личностями. Общественность есть законъ существованія, но такой законъ, который не внѣшне навязывается человѣку (какъ законы природы неорганической или даже законы нашей Физіологіи), а создается свойствами нашего собственнаго чувства, представленія и воли. Въ соціальной средѣ человѣкъ чувствуетъ *самого себя* организаціонной силой коллективности, и дѣйствительно является полной силой во всемъ, что не

касается самыхъ законовъ кооперацiи, которые человѣкъ однако можетъ и умѣетъ *приспособлять* къ своимъ желанiямъ.

Божественнымъ творчествомъ въ свойствахъ личности заложено все, необходимое для того, чтобы тянуть насъ къ общественной жизни. Самое раздѣленiе половъ уже предопредѣляетъ появленiе семьи, и слабость ребенка погружаетъ его въ жизнь общественную, въ средѣ семьи. Привычка, зарожденная съ дѣтства, затѣмъ поддерживается потребностью въ обмѣнѣ впечатлѣнiй, составляющей основное психологическое свойство всякаго животнаго. Это свойство неудержимо влечетъ людей другъ къ другу, даже помимо всякихъ утилитарныхъ разсчетовъ, а просто потому, что этотъ обмѣнъ даетъ каждой особи какъ бы усиленное ощущенiе своей жизни. Итакъ, само чувство жизни направляетъ къ общественности. Точно также и разсудокъ влечетъ насъ къ тому же.

Широта потребностей и желанiй самой неразвитой человѣческой личности превышаютъ силы ея къ ихъ удовлетворенiю и это вноситъ въ *человѣческую* общественность чрезвычайную напряженность

сознательнаго стремленія къ *коопераціи*. Въ этомъ отношеніи, должно замѣтить, лишь свойства человѣческой психологіи создаютъ соціальную жизнь во всѣхъ ея могучихъ размѣрахъ, ибо, по бѣдности животной индивидуальности, зоологическая общественность остается болѣе естественнымъ состояніемъ, чѣмъ сознательнымъ созданіемъ. У человѣка, наоборотъ, общественность, къ которой онъ приходитъ чувствомъ, дѣлается тотчасъ созданіемъ преднамѣреннаго творчества, въ виду ея способности удесятерять силы личности общими свойствами кооперація: суммированія силы, раздѣленія труда и т. д. Въ этомъ отношеніи значеніе общества такъ велико, что конечно безъ него человѣкъ не могъ бы быть человѣкомъ. И это не потому, чтобы общество было «дополненной и расширенной личностью», а потому что общество есть наиболѣе благопріятная *среда* для развитія человѣка.

Она въ безконечной степени увеличиваетъ и утончаетъ силы личности, давая къ услугамъ каждаго силы всѣхъ другихъ и ихъ средства. Общественность создаетъ какъ бы систему зеркалъ, въ которыхъ знанія и опытъ каждаго открываются для

другихъ, и систему рычаговъ, при которыхъ сила всей ассоціаціи дается въ распоряженіе каждой отдѣльной особи. Общество есть хранилище опыта, знаній и матеріальныхъ средствъ предшествующихъ поколѣній, благодаря чему вновь рождающаяся безсильная личность сразу вступаетъ въ даровое обладаніе средствами, о которыхъ не могла бы и мечтать при иныхъ условіяхъ. Общество наконецъ есть великая школа для выработки самостоятельности личности, въ цѣлой системѣ подчиненій и командованій.

Увеличивая въ тысячу разъ силу человѣка, общество вслѣдствіе этого вырабатываетъ въ немъ сознаніе своей силы и достоинства. Въ соціальной средѣ человѣкъ чувствуетъ себя господиномъ міра, высшимъ существомъ. Въ самыхъ рабскихъ обществахъ есть гордые аристократическіе слои, которыхъ идеалы личности становится рано или поздно образчикомъ для остальной массы народа.

Но при всей благодѣтельности соціальной среды для развитія человѣка, она не представляетъ полнаго и идеальнаго помѣщенія для него.

Идеальное, вполнѣ удовлетворенное су-

ществованіе единицы, въ средѣ коллективности, получается тогда, когда соотношеніе этихъ единицъ въ цѣлой коллективности вполнѣ *гармонично*, то-есть когда каждая единица занимаетъ въ коллективности именно *свое* мѣсто, мѣсто вполнѣ отвѣчающее ея свойствамъ, не ниже и не выше, а какъ разъ сообразное съ ея дѣйствительной силой. Тогда коллективный процессъ получаетъ полную стройность и незыблемость. Въ области животной соціологіи мы видимъ такія общества у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ: у пчелъ, муравьевъ. Тутъ особь почти не существуетъ индивидуально, и входитъ въ коллективность такъ же стройно и всецѣло, какъ клѣточка въ организмъ. Еще лучше и стройнѣе сложеніе единицъ въ тѣлахъ химическихъ, гдѣ соотношеніе элементовъ безусловно предрѣшено ихъ свойствами, гдѣ немыслимо даже представить себѣ иное отношеніе, чѣмъ существующее. Здѣсь нѣтъ и не можетъ быть никакого противорѣчія между цѣлымъ и частями. Но не то представляетъ человѣческое общество. Такъ какъ общество есть кооперація *личностей*, то оно тѣмъ сильнѣе и выше, чѣмъ развитѣе и сильнѣе самая личность.

Источникъ силы, которая организуется въ обществѣ, есть личность. Если личность захирѣла и бѣдна, то и общество слабо. Поэтому вообще тѣ общества, которыя стараются достигнуть силы и стройности въ ущербъ развитію личности—въ родѣ знаменитыхъ Парагвайскихъ іезуитскихъ колоній—или древнее Перуанское государство—возбуждаютъ въ людяхъ отвращеніе и оказываются крайне слабы. Идеалъ муравейника или улья—не только не есть человѣческій, но даже не удается у людей, ибо каждое истинно-человѣческое общество, построенное на основѣ развитія личности, оказывается безконечно сильнѣе. Ничтожныя греческія республики — разрушаютъ Персидскую монархію и т. д. И даже если нѣтъ внѣшней разрушающей силы, то внутри самаго общества, построеннаго на началахъ неразвитости личности—непремѣнно является внутренняя разрушающая сила — въ видѣ протестующей личности. А между тѣмъ—чѣмъ развитѣе личность—тѣмъ менѣе она способна создать общество, полное гармоніи, которая бы удовлетворяла людей и которой бы они поэтому подчинились безъ протеста. Причина этого со-

стоитъ въ томъ, что человѣческая личность не есть муравьиная или пчелиная. Это не есть личность только животная, *психологическая*, но также *духовная*.

Та психологическая кооперація, которой создается соціальный міръ, не даетъ для общества людей организаціоннаго начала со столь безусловнымъ характеромъ, какой возможенъ для муравьевъ или пчелъ. Духовный элементъ человѣка не способенъ подчиниться безъ спора и протеста элементу психическому, *душевному*. Человѣкъ, въ силу присутствія въ себѣ этого духовнаго элемента, чувствуетъ себя выше созданія своего душевнаго элемента. Внести же въ соціальное созданіе свой духовный элементъ—человѣкъ, хотя и пытается постоянно, никакъ не можетъ, ибо этотъ элементъ есть Божественный, дуновеніе Божества въ душѣ человѣка: человѣкъ есть не первоисточникъ духовнаго элемента, и строить какую-либо кооперацію съ себѣ подобными на этомъ элементѣ не можетъ иначе какъ *въ связи съ Богомъ*, то-есть религіозно.

Центромъ, организующимъ элементомъ какого-либо строя, имѣющаго своею связью духовный элементъ, можетъ быть

только Богъ. Только около Него люди въ духовномъ отношеніи могутъ расположиться гармонически, въ сочетаніяхъ незыблемой, неоспоримой и потому удовлетворяющей ихъ стройности. Сами по себѣ люди не могутъ гармонизировать въ своихъ взаимоотношеніяхъ этотъ духовный элементъ, ибо не въ нихъ его источникъ и центръ тяжести. А между тѣмъ человѣкъ не можетъ и отрѣшиться отъ этого элемента. Поэтому онъ не удовлетворяется соціальнымъ строеніемъ, не можетъ помѣстить въ него всего себя безъ остатка, и чувствуетъ постоянно, что это строеніе не полно, не даетъ всего, что человѣку и его творческой силѣ необходимо для полноты жизни.

Такое полное всецѣлое испомѣщеніе человѣческой личности, какого жаждетъ его духъ, возможно лишь въ новомъ строѣ общественности, гдѣ высшимъ организующимъ элементомъ является Богъ, то-есть въ *Церкви*.

---

## VIII.

Свое религіозное чувство, порождаемое духовнымъ элементомъ нашего существа, человѣкъ издавна старается какъ-нибудь вводить и въ свой соціально-политическій строй. Это особенно характеризуетъ языческія государства, при чемъ обычно замѣчается, что *жреческій* элементъ неблагопріятенъ для совершенства соціально-государственнаго строя, и сама религія при этомъ имѣетъ содержаніе весьма грубое.

Истинная религія—Христіанская — выдѣляетъ религіозную коллективность въ особый строй—Церковь, которая не сливается съ соціальнымъ строемъ и является общественностью *надъ-соціальной*.

Различіе между соціально-политической средой и церковной весьма существенно. Организаціонное начало въ обществѣ—есть человѣческая личность, элементъ *психическій*. Организаціоннымъ элементомъ Церкви является Богъ, Личность Божественная, *элементъ духовный*. Отсюда является разница въ опредѣленіи *цѣлей* строенія. Въ первомъ случаѣ цѣли опре-

дѣляются человѣкомъ, во второмъ случаѣ—Богомъ. Въ обществѣ человѣкъ работаетъ на собственное «хозяйство», въ Церкви является Божьимъ домостроителемъ. Отсюда проистекаетъ далѣе разница и въ характерѣ организаціи. Но такъ какъ въ церковную жизнь входитъ все-таки человѣкъ, со всѣми своими психическими свойствами, требующими соціальнаго строя, то въ церковной жизни также повторяются соціальные законы кооперації, взаимопомощи, совмѣстнаго дѣйствія. Эти законы, замѣтные еще въ мірѣ органическомъ, высоко развивающіеся въ мірѣ соціальномъ,—въ Церковномъ строѣ становятся еще тоньше и глубже.

Мы безъ сомнѣнія должны видѣть въ столь глубокихъ корняхъ общественности прямую Волю Того, Кто создалъ міръ, и всякую душу живую, и духовно одареннаго человѣка. Достойно замѣчанія, что въ церковномъ строѣ человѣкъ принуждается къ кооперації также самой природою своей, ибо не только наблюденіе, но положительное разъясненіе св. Писанія говоритъ намъ, что духовные дары въ насъ *различны*, а между тѣмъ цѣлью святости

поставлена полнота совершенства. Она оказывается такимъ образомъ недостижима иначе какъ *совмѣстной духовной жизнью*. Человѣкъ въ Церкви нуждается въ другихъ ея членахъ совершенно такъ же, какъ гражданинъ общества не можетъ обойтись безъ другихъ своихъ согражданъ. Сверхъ того и сами цѣли домостроительства церковнаго охватываютъ весь міръ, такъ что членъ Церкви долженъ, въ силу самаго этого членства, быть «гражданиномъ» міровой миссіи Церкви. Наставленія въ этомъ смыслѣ наполняютъ писанія Апостоловъ и отцовъ, съ объясненіями даже— почему и для чего мы должны быть въ тѣсномъ взаимодѣйствіи, спасаться вмѣстѣ, а не порознь.

Апостолъ Павелъ хорошо объясняетъ это въ посланіи къ Коринѳянамъ (I-е, 12—14). «Дары, говоритъ онъ, различны, но духъ одинъ и тотъ же, и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же, и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ». Апостолъ объясняетъ, что безъ дара не остается никто. «Но каждому, говоритъ онъ, дается проявленіе Духа на пользу: одному дается Духомъ слово мудрости, дру-

гому слово знанія, тѣмъ же Духомъ, иному вѣра, тѣмъ же Духомъ, иному дары исцѣленій, тѣмъ же Духомъ, иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ. Все сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, *раздѣляя каждому особо*, какъ ему угодно. Ибо какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло, такъ и Христосъ». При этомъ «не можетъ сказать глазъ рукѣ: ты мнѣ не надобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны»... Всѣ другъ въ другѣ, стало быть, нуждаются. Интересы членовъ тѣла Христова солидарны. «Страдаетъ ли одинъ членъ — страдаютъ съ нимъ всѣ члены, славится ли одинъ членъ—съ нимъ радуются всѣ члены» (27). Поэтому: не нужно, чтобы являлось раздѣленіе, а нужно, чтобы всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ.

Эта необходимость солидарности и взаимопомощи—составляетъ положительный Божественный законъ не для какихъ-либо матеріальныхъ интересовъ, а для жизни духовной, для ея полноты. «Вы Тѣло Христово, а порознь — члены», повторяетъ

Апостолъ. Въ посланіи къ Ефесянамъ (4 гл. 15) требуется, чтобы мы «все возращали въ Того, Который есть Христосъ, изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ *всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей*, при дѣйствіи *въ свою мѣру* кождаго члена»... Всѣ дѣйствуютъ, а достигаютъ лишь совмѣстно. Въ цитированномъ посланіи Коринѳянамъ Апостолъ говоритъ, что «иныхъ Богъ поставилъ Апостолами, другихъ пророками, третьихъ учителями, инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможенія, управленія» и т. д. Эти дары даны не всѣ одному лицу сразу, а разнымъ и не одинаковые. «Всѣ ли Апостолы, всѣ ли пророки, всѣ ли учители, всѣ ли чудотворцы, всѣ ли имѣютъ дары исцѣленій, всѣ ли говорятъ языками, всѣ ли истолкователи?»

Совершенно ясно, что всесторонней святости каждый человѣкъ не имѣетъ, по крайней мѣрѣ большую часть времени, въ теченіе котораго искалъ святости. Но при взаимопомощи каждый можетъ пользоваться плодами дара, имѣющагося у другого члена Церкви, почему и легче освящаѣтся самъ. «Служите, говоритъ Апо-

столъ Петръ, другъ другу тѣмъ даромъ, какой получили, какъ добрые домостроители многоразличной благодати Божіей» (I. 10).

Ап. Павелъ описываетъ (Кор. I, 14—26), какъ христіане въ церковныхъ собраніяхъ должны практиковать это взаимослуженіе дарами, какіе у кого есть.

Такимъ образомъ участіе въ Церкви необходимо въ самыхъ цѣляхъ личнаго совершенствованія каждаго. Въ нашей Догматикѣ это помнятъ гораздо больше, чѣмъ въ нашей практикѣ. Архіепископъ Филаретъ Черниговскій, изъясняя ученіе о Церкви, отмѣчаетъ, что христіане соединяются въ Церковь для достиженія той цѣли, которая есть «цѣль и ученія христіанскаго». При этомъ, между прочимъ, «каждый долженъ служить другимъ по свойству и мѣрѣ даннаго ему духовнаго дара» и «въ обществѣ Христа, при взаимномъ содѣйствіи членовъ, духъ ученія Христа можетъ раскрываться полнѣе, заблужденія и слабости предотвращаться должны удобнѣе, чѣмъ при дѣйствіи каждаго члена порознь» (Догм. Бог. т. II, стр. 226—227).

Эта взаимопомощь въ духовной жизни

устанавливаетъ тѣсную и необходимую связь между членами Церкви. На основѣ той же взаимопомощи различно одаренныхъ членовъ церкви устроена и іерархія священнодѣйствія. Но есть еще другая сторона дѣла, ихъ связывающая. Въ «цѣляхъ ученія христіанскаго», о которыхъ говоритъ Архіепископъ Филаретъ, заключается всемірная задача. Именно, въ Церкви вырабатывается изъ среды рода человѣческаго Тѣло Христово, коего членами являются отдѣльныя личности. Цѣли этого Тѣла Христова (Церкви) опредѣляются Христомъ, а каждый отдѣльный членъ, если только онъ живъ, а не мертвъ, долженъ служить цѣлямъ Тѣла. Отсюда является дѣятельное участіе во всемірно-исторической миссіи Церкви, безъ чего нельзя пребыть живымъ ея членомъ.

---

## IX.

Основное различіе общества и Церкви, какъ сказано, состоитъ въ различіи между преобладающими *организаціонными элементами* ихъ. Церковная среда возвышается

надъ человѣческой психологіей, вводя въ человѣческой общество, какъ господствующій элементъ, – Божественную личность. Отсюда проистекаетъ различіе въ характерѣ власти и взаимныхъ отношеніяхъ членовъ цѣлаго.

Общество человѣческое лишь метафорически можно назвать «организмомъ», и если оно составляетъ юридическую личность, то никакъ не составляетъ *коллективной особи*, а всегда остается ассоціаціей отдѣльныхъ особей. Въ церкви, напротивъ, отдѣльныя личности представляютъ части одного Тѣла Христова. Въ ихъ коллективности обитаетъ Одна Личность—Христосъ, чего нѣтъ и по существу не можетъ быть въ соціальной средѣ.

Уподобленіе Церкви «тѣлу» уже не есть метафора, а опредѣленіе факта, одинаково дѣлаемое всѣми Апостолами и Отцами.

Апостолъ Павелъ пишетъ Ефесянамъ, что Богъ «поставилъ Его (Спасителя) выше всего, главою Церкви, которая есть тѣло Его, *полнота Наполняющаго все* во всемъ» (1. 22, 23). Сравнивая отношенія брачныя съ отношеніями Христа и Церкви, онъ говоритъ, «Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее»... Господь

заботится о Церкви: «Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, *какъ и Господь Церковь*, потому что мы члены тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его... Тайна сія велика. Я говорю по отношенію ко Христу и Церкви». (Ефес. I. 29, 30, 32). Это вселеніе Христа въ Церковь — великая тайна—придаетъ церковному обществу то, чего нѣтъ въ соціальной средѣ—какъ бы характеръ коллективной особи. Удаленіе христіанина изъ Церкви *расчленяетъ* Христа. «Приказывай и убѣдительно внушай народу, говорятъ постановленія Апостольскія (стр. 94, 95), чтобы прилежно ходилъ въ Церковь... и отнюдь не оставлялъ собранія... чтобы никто удаленіемъ своимъ отъ нея не *увѣчилъ* Церкви, и не дѣлалъ тѣла Христова безъ члена... Не нерадите о себѣ, не отнимайте у Спасителя Его членовъ, не раздѣляйте членовъ Его тѣла, не расточайте Его членовъ». Религіозная обособленность является такимъ образомъ тяжкимъ грѣхомъ противъ тѣла Христова. Владиміръ Соловьевъ въ этомъ отношеніи прекрасно формулируетъ духъ христіанства, говоря:

«Пока человѣкъ остается и утвер-

ждается въ своей ограниченности и отдѣльности—въ немъ *нѣтъ Бога*. А чтобы выйти изъ этой ограниченности, онъ долженъ обратиться къ тому, что больше и выше чѣмъ онъ самъ. Это большее и высшее, чѣмъ онъ самъ, человѣкъ находитъ въ Церкви» (Дух. Осн. Жизни, о Церкви). «Въ сочетаніи человѣческой личности съ церковью—человѣкъ исцѣляется, получаетъ истинно здравую жизнь, а церковь оплодотворяется, становится *дѣйствующею*» (тамъ же). Но какъ ни сильна христіанская *обобществленность*, совершенно ошибочно думать, чтобы соціальная среда могла быть слита съ церковью, какъ объ этомъ смутно мечталось В. Соловьеву въ его разсужденіяхъ о христіанизаціи общества.

Соціальная среда, какъ создана, такъ и остается со *своими* законами, качествами, и пожалуй со своей миссіей — остается она «міромъ симъ», а не Царствомъ Божіимъ. Церковь какъ особый, новый строй жизни, потому и нужна, что законы соціальной жизни не способны дать того, что даетъ Церковь.

Въ общей экономіи міровой жизни, соціальный строй необходимъ потому, что

простая органическая жизнь не способна дать развитой личности. Выработка развитой психически, *душевно*, личности составляетъ задачу жизни соціальной. Но выработка личности—съ характеромъ духовнаго существа—требуетъ новаго строя, именно церковнаго, такого строя, гдѣ организующей личностью является Божество. Придать соціальной средѣ функціи духовныя—невозможно, ибо въ ней человѣкъ живетъ именно постольку, поскольку онъ еще не далъ своему духовному элементу господства надъ душевнымъ. Когда это произошло, то и надобности въ соціальной средѣ нѣтъ. Соціальная среда нужна Домостроительству Божію, какъ низшій строй выработки личности. Но между соціальной и Церковной средой существуетъ непереходимая грань – въ ихъ организаціонномъ элементѣ.

---

## X.

Источникомъ распоряженія и власти въ соціальной средѣ является *человѣкъ*. Конечно безъ Воли Божіей не дѣлается ни-

чего не только въ обществѣ, но и въ мірѣ органическомъ и неорганическомъ. Но *непосредственное* распоряженіе обществомъ дано самому человѣку, и общество повсюду таково, какимъ его желаютъ имѣть люди. Условія и законы природы ставятъ человѣку множество препятствій въ его стремленіи устроить свою соціальную среду по своимъ желаніямъ. Но отступая передъ непобѣдимымъ, человѣкъ во всемъ, на что хватаетъ Богомъ данныхъ ему силъ, устраиваетъ свою соціальную жизнь, какъ хочетъ, по своей психологіи, по своему чувству, волѣ и разсужденію. Это даетъ, въ обществѣ, огромную практику самостоятельности человѣка. Но—то самое, что развиваетъ каждаго члена общества, не даетъ возможности создать *среду* идеально высокую, высокую настолько, насколько высока потенціально природа человѣческой личности.

Въ соціальной средѣ дѣйствуетъ не одинъ человѣкъ, но вся совокупность людей, приблизительно равносильныхъ, и общій ходъ жизни складывается, какъ нѣкоторая равнодѣйствующая этого множества составляющихъ силъ. Это дѣлаетъ

соціальную среду неизбѣжно очень, въ среднемъ, низкой сравнительно съ стремленіями лучшихъ ея людей. И это обстоятельство совершенно неизбѣжное, навѣки неизбѣжное. Въ Церкви могутъ быть грѣшники, а сама Церковь при этомъ свята. Въ обществѣ наоборотъ — сколько бы ни являлось святыхъ, а само оно все-таки будетъ грѣшнымъ по *господствующему* въ немъ элементу.

Сверхъ того въ обществѣ нѣтъ и не можетъ быть незыблемо-торжествующаго общаго закона. Въ обществѣ нѣтъ *единой* личности, которая бы сливала въ себѣ, въ качествѣ отдѣльныхъ частей, психологическія силы всѣхъ особей, давая имъ идеальный порядокъ соотношеній.

Какъ сказано выше, идеальный порядокъ есть тамъ, гдѣ отдѣльныя части связаны между собой естественными отношеніями, вытекающими изъ самой природы ихъ, а потому неоспоримыми, неизмѣняемыми и для всѣхъ дающими *полное* удовлетвореніе. Но такой порядокъ соотношеній возможенъ лишь тамъ, гдѣ единицы складываются около своего *естественнаго центра*, по условіямъ притяженія этого естественнаго центра.

Въ гражданскомъ обществѣ, въ отношеніяхъ міра сего, такого-то естественнаго центра именно нѣтъ. Природа личности человѣческой духовна въ главномъ своемъ элементѣ. Ея естественный, реальный центръ можетъ быть только въ Богѣ. Богъ—это единственная сила и власть, около которой люди могли бы группироваться естественно, безспорно, получая каждый *свое* мѣсто.

Но въ соціальной средѣ, въ обществѣ, можетъ возникать лишь власть условная, договорная. Какъ ни устраивай, но люди по природѣ—равны. Хотя между ними и есть неравенство способностей, но это неравенство подвижно, перемѣнчиво. Иной былъ способнѣе прочихъ, а потомъ обезсилѣлъ, потерялъ преимущество. Иной способнѣе другихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но уступаетъ почти всѣмъ въ другихъ отношеніяхъ. Иной, по способностямъ предковъ, занялъ первое мѣсто, а потомъ среди «смердовъ» вдругъ появляются геніи гораздо болѣе могущественные... Поэтому власти *естественной*, такой, которая сама въ себѣ заключала бы силу—въ обществѣ нѣтъ. Ея комбинаціи мѣняются безпрерывно. Общественную

власть приходится строить искусственно, и затѣмъ устанавливать общественную гармонію на этой искусственной власти, и на системѣ права. Но право—есть система договорная, и само по себѣ предполагаетъ людей способными создавать себѣ центры объединенія. Это, стало быть, не такіе центры, которые держатся собственной силой, а такіе, которые мы лишь условились признавать, по доброй волѣ, центрами объединенія. А то что мы сами установили—мы сами можемъ и отмѣнить. Поэтому единственное средство поддержать создаваемые нами центры, и наше право—составляетъ элементъ *принужденія*, насиліе, ибо само себя право не поддержитъ. Однако и принужденіе нельзя сдѣлать незыблемо прочнымъ, потому что желанія и силы людей мѣняются. Люди, вчера бывшіе болѣе сильными и установившіе, для поддержанія общественной гармоніи, извѣстную систему принужденія, сегодня оказываются ослабѣвшими, неспособными удержать порядокъ. На смѣну имъ идутъ другіе, которые хотятъ установить иное право, иную систему принужденія. Узнать же кто сильнѣе, кто долженъ уступить и покориться, очень

часто нельзя иначе, какъ помѣрявшись силами.

Поэтому борьба есть вѣчный удѣлъ этой юридической правовой системы порядка, характеризующей соціальный строй.

Въ церкви напротивъ есть незыблемый духовный центръ: Богъ. Группируясь около Него, люди естественно группируются и между собою, въ тѣхъ естественныхъ соотношеніяхъ, которыя зависятъ отъ ихъ духовнаго состоянія. Божественный центръ даетъ для нашего духовнаго элемента тотъ же стройный путь группировки, какъ, напримѣръ, химическое сродство даетъ для группировки элементовъ неорганическихъ. Тутъ *право* не только не нужно, но и невозможно, ибо все опредѣляется естественнымъ соотношеніемъ силъ, и если бы какое нибудь «право» сказало бы что нибудь несогласное съ этой естественной группировкой, то это былъ бы пустой звукъ, безсильный и безпослѣдственный.

Такимъ образомъ только въ одной Церкви является гармонія коллективнаго существованія милліоновъ и милліардовъ личностей, связанныхъ въ ней между собою Богомъ, Котораго частицу заключаетъ

каждая личность, и Который въ полнотѣ живетъ во всѣхъ нихъ вмѣстѣ. Тутъ нѣтъ, юридически, ни правъ, ни обязанностей, тутъ Духъ Господень, а потому и свобода. Но тутъ нѣтъ также и возможности личнаго произвола, ибо личность въ Церкви, живетъ духовной природой, при которой воля личности сама собой совпадаетъ съ Волей Божіей, все въ Церкви устрояющей. Такова сущность церковной коллективной жизни, такова церковная жизнь, когда она есть не поддѣлка и внѣшность а дѣйствительная церковная жизнь. Соотвѣтственно съ этимъ образуется и весь церковный строй, его формы, его власть, его подчиненность, поскольку можно употреблять въ отношеніи церкви эти термины соціальнаго гражданскаго строя.

---

## XI.

Совмѣстное церковное существованіе людей здѣсь, на землѣ, внѣшнимъ образомъ воздвигается на формахъ соціальнаго порядка, но существенный духовный элементъ церковности придаетъ всѣмъ

этимъ формамъ совершенно иной характеръ.

Церковный строй весь расположенъ такъ, чтобы члены церкви были живыми членами тѣла Христова, ихъ взаимоотношеніе должно быть приспособлено къ возможно большему взаимному освященію, возможно большему служенію всѣхъ другъ другу своими духовными дарами, и чтобы во всей совокупности членовъ жила и непрерывно направляла всѣ дѣйствія этого тѣла именно Воля Христова.

Всѣ члены церкви связаны между собою дарами и полномочіями, исходящими единственно отъ Христа, и единственно Ему принадлежащими. Строго говоря, въ юридическомъ смыслѣ, въ церкви нѣтъ начальства и власти, и всѣ другъ другу подчиняются въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указаны даромъ Христа.

Это не уменьшаетъ церковную дисциплину, но придаетъ ей характеръ нравственный, и сохраняетъ въ ней для вѣрующаго извѣстную обязанность разсужденія о томъ, несомнѣнно ли въ дѣйствіяхъ власти соблюденіе того служенія, ради котораго ей должно повиноваться.

Св. Игнатій Богоносецъ пишетъ Ефе-

сянамъ (гл. 5): «Всякаго, кого посылаетъ домовладыка для управленія своимъ домомъ, намъ должно принимать такъ же какъ самого пославшаго. Поэтому ясно, что и на Епископа должно смотрѣть какъ на самого Господа». «Старайтесь дѣлать все въ единомысліи Божіемъ, пишетъ онъ Магнезійцамъ, такъ какъ Епископъ предсѣдательствуетъ на мѣсто Бога, пресвитеры занимаютъ мѣсто собора Апостоловъ, и діаконамъ.... ввѣрено служеніе Іисуса Христа». Это же повторяетъ онъ Траллійцамъ и Смирнянамъ. Такія свидѣтельства одинаковы у Отцовъ. «Постановленія Апостольскія», не будучи книгой канонической, являются однако первоклассным историческимъ свидѣтельствомъ тѣхъ отношеній, которыя господствовали въ древнѣйшей церкви. Вотъ какъ этотъ документъ характеризуетъ положеніе различныхъ членовъ церкви.

«Епископъ—стражъ для народа». Епископъ, будучи головою, не долженъ внимать хвосту, то есть мірянину. Епископу надлежитъ «начальствовать надъ подчиненными» (стр. 39). «Пастыря добраго мірянинъ долженъ чтить, любить, бояться какъ господина, какъ владыку, какъ пер-

восвященника Божія, какъ учителя благочестія». Епископъ также долженъ любить мірянъ (стр. 40), но все же онъ—власть, его обязаны слушать и клирики. Все что совершаетъ діаконъ «въ отношеніи кому либо»—должно быть извѣстно Епископу. Безъ епископа онъ даже ничего никому не долженъ давать (61). «Почитайте ихъ начальниками и царями своими» (63)...

Итакъ—власть, кажется, огромная. Но въ Церкви критерій всего есть Христосъ, а не люди, какъ бы ни было высоко поставлено ихъ видимое служеніе. Это придаетъ личности огромную самостоятельность, вмѣняемую въ обязанность. Тѣ же «Постановленія» гласятъ:

«Выслушайте Епископы, выслушайте и вы, міряне, какъ говоритъ Господь: разсужу между овчатемъ и овчатемъ и между овномъ и овномъ,.. Ибо и овцы и овны эти *разумные, а не безсловесные*, чтобы мірянинъ сказалъ когда нибудь: я овца, а не пастырь, я не обращалъ на себя никакого вниманія, посему пастырь увидитъ, онъ одинъ понесетъ за меня наказаніе... Ибо какъ овца, не идущая за хорошимъ пастыремъ, оставляется волкамъ

на погубленіе, такъ и идущая за худымъ пастыремъ непремѣнно умретъ. Посему *надобно быть пастырей губителей*». И далѣе: «Епископъ объятый невѣдѣніемъ или зломысліемъ—не есть уже Епископъ, но ложно носитъ это имя: не Богомъ избранъ, но людьми (стр. 251—252).

Итакъ, членъ церкви постоянно все провѣряетъ Христомъ. Онъ остается разумною, а не безсловесною овцой. Сверхъ того, какъ бы ни былъ онъ малъ—онъ все-таки есть носитель какого нибудь дара, какой нибудь силы Христовой, и зачѣмъ нибудь нуженъ для другихъ, хотя бы и болѣе сильныхъ.

Объ этомъ одареніи всѣхъ мы выше видѣли разъясненія Апостола Павла, который говоритъ даже, что немощнѣйшіе члены тѣла пользуются особой заботой. А вотъ характеристическое мѣсто «Постановленій Апостольскихъ»:

«Никто изъ васъ да не превозносится передъ братомъ, хотя бы былъ пророкомъ или чудотворцемъ... Ибо быть благочестивымъ зависитъ отъ благомыслія каждаго, а творить чудеса отъ силы Того, кѣмъ дѣйствуются они»... «Равно и Епископъ да не превозносится передъ

діаконами или пресвитерами, ни пресвитеры передъ народомъ, потому что *собраніе составляется изъ тѣхъ и другихъ.* Ибо Епископы и пресвитеры суть священники въ отношеніи къ нѣкоторымъ, а міряне суть міряне въ отношеніи къ нѣкоторымъ» (стр. 250—251).

«Собраніе составляется изъ тѣхъ и другихъ»: вотъ характеристическое напоминаніе, что Христосъ—въ коллективности, въ совмѣстной жизни, тотъ Христосъ, отъ Котораго единаго всѣ дары, вся власть, все управленіе въ церкви.

---

## XII.

Если мы разсматриваемъ не случайныя историческія формы,—если мы взглянемъ на самый идеалъ, на то, что *должно* быть въ церкви, то мы увидимъ, что весь церковный строй приспособленъ къ созданію полнаго единства всей массы вѣрующихъ, отъ высшихъ и сильнѣйшихъ до самыхъ скромныхъ и слабѣйшихъ членовъ церкви.

Сознаніе того, что лишь въ цѣлой церкви пребываетъ *полнота* Христа, выразилось въ томъ, что вся жизнь, вся дѣятельность церкви, совершалась въ тѣснѣйшей совмѣстности всѣхъ членовъ.

Никто не называлъ ничего своимъ въ имущественныхъ отношеніяхъ Апостольской Іерусалимской церкви, но никто не называлъ ничего своимъ и въ духовномъ или управительномъ отношеніяхъ. Такъ какъ власть принадлежитъ только Христу, а Христосъ дѣйствуетъ въ цѣлостной церкви, то *соборное* начало проникаетъ церковный строй. При этомъ должно помнить, что идея соборности не состоитъ въ преобладаніи большинства, а въ полномъ единогласіи всѣхъ. Практично это или нѣтъ въ смыслѣ гражданскихъ «конституцій»—но церковная идея именно такова. Проф. Н. Заозерскій, въ своей недавней статьѣ по поводу моей брошюры «Запросы времени и наше церковное управленіе», прекрасно показалъ, что идея Собора — требуетъ совокупности не только всѣхъ Епископовъ, но вообще *всѣхъ членовъ церкви*. Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Должно оговориться только, что христіанство — вообще

не въ формѣ, а въ духѣ. Собраніе даже небольшого числа лицъ можетъ выразить чувство, мысль и желаніе всѣхъ, если только выразитъ Волю Христа, пребывающаго въ церкви, и вся совокупность членовъ, не бывши физически на соборѣ, признаетъ рѣшеніе какъ бы свое собственное и искренно повторить вслѣдъ за бывшими на соборѣ «Изволися Духу Святому и намъ»...

Дѣло не въ матеріальной формѣ, а въ самомъ духѣ, который требуетъ полной совмѣстности *всѣхъ* членовъ церкви. Апостолы, получившіе власть отъ самого Христа, все однако совершали соборне. Внимая не себѣ и не людямъ, а Духу Святому, они иногда совершенно лично рѣшались на весьма необыкновенныя дѣла, но эти дѣянія становились немедленно достояніемъ всей церкви. Такъ Ап. Петръ самостоятельно крестилъ Корнилія и другихъ язычниковъ, и это на минуту произвело даже нѣкоторый соблазнъ, но за симъ, выслушавъ Апостола, христіане «успокоилось и прославили Бога».

Итакъ, сущность соборности не во внѣшней формѣ собранія, а во внутреннемъ единеніи общей мысли и воли. Но по-

требность единенія естественно приводила къ общимъ собраніямъ и рѣшеніямъ. Она же выразилась въ *избраніи* лицъ священнаго сана.

Въ «Дѣяніяхъ» не ясно, кѣмъ произведено избраніе Апостола Матѳея на мѣсто Іуды Іскаріотскаго. Но Апостолъ Петръ говорилъ при этомъ предъ цѣлымъ собраніемъ изъ 120 человѣкъ. Что касается новаго учрежденія діаконовъ, то оно произведено чисто соборнымъ порядкомъ.

«Тогда 12 Апостоловъ, пишутъ Дѣянія (6, 2), созвавши множество учениковъ, сказали: не хорошо намъ оставивши слово Божіе пещись о столахъ. Итакъ, братіе, выберите изъ среды себя семь человѣкъ извѣданныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости: ихъ поставимъ на эту службу. А мы постоянно пребудемъ въ молитвѣ и служеніи слова. И угодно было это предложеніе всему собранію, и избрали (слѣдуютъ имена). Ихъ поставили предъ апостолами и сіи помолившись, возложили на нихъ руки».

Первый апостольскій соборъ постановилъ рѣшеніе отъ имени всей братіи. «Тогда апостолы и пресвитеры со всею Церковью, говорятъ Дѣянія (15, 22–28),

разсудили, избравши изъ среды себя мужей, послать ихъ въ Антіохію... написавши и вручивши имъ слѣдующее: Апостолы и пресвитеры *и братія*... собравшись единодушно разсудили»... Далѣе слѣдуетъ рѣшеніе съ обычной формулой «Угодно Св. Духу и намъ».

Подъ словомъ «намъ» разумѣются, очевидно, такъ же и братія, бывшія на соборѣ.

Избраніе епископовъ народомъ составляло въ древности общее правило. Въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ» сохранилось даже подробное описаніе этихъ избраній.

Въ епископы рукополагать, сказано тамъ (стр. 254) того, кто безпороченъ во всемъ, *избранъ всѣмъ народомъ*, какъ наилучшій. Когда его наименуютъ и одобрятъ, то народъ, собравшись въ день Господень, съ пресвитерствомъ и наличными епископами пусть дастъ согласіе. Старѣйшій же прочихъ пусть спроситъ пресвитерство и народъ, тотъ ли это, кого они просятъ въ начальники, и когда они отвѣтятъ утвердительно, то снова пусть спроситъ, всѣ ли свидѣтельствуютъ, что онъ достоинъ сего великаго и знатнаго

начальствованія... Когда всѣ вмѣстѣ засвидѣтельствуютъ, что онъ таковъ, то опять въ третій разъ да будутъ спрошены, воистину ли достоинъ онъ священнослужительства, и когда въ третій разъ подтвердятъ, то отъ всѣхъ пусть потребуютъ знака согласія.

Нѣтъ надобности впрочемъ останавливаться долго на фактѣ избранія Епископовъ, ибо онъ несомнѣненъ. По Зонарѣ самое слово—хиротонія—получило свое начало отъ этихъ избраній, при которыхъ народъ въ знакъ согласія подымалъ руки. Но смыслъ этихъ избраній не въ томъ, чтобы представить «общественную волю», а въ сохраненіи полной совмѣстности, духовной слитности вѣрующихъ.

Оставаясь разумными, а не безсловесными овцами, міряне подчиняются Христу, а не людямъ. Точно также и епископъ подчиняется Христу, а не общественной волѣ. Этотъ духъ проявляется и въ фактѣ избранія Епископовъ, и въ почти безграничной ихъ власти надъ народомъ и клиромъ, которые однако при этомъ обязаны охранять Волю Христа, живущаго во всей совокупности вѣрующихъ, а не въ одномъ священствѣ.

При всѣхъ измѣненіяхъ управительнаго строя въ церкви, мы, православные, доселѣ помнимъ это. Посланіе Восточныхъ Патріарховъ и въ новѣйшее время указываетъ Римско-католикамъ, что «у насъ ни Патріархи, ни Соборы никогда не могли ввести что либо новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло церкви, то есть самый *народъ*» (Пар. 17).

---

## XIII.

Для многихъ нынѣ сталъ неясенъ вопросъ, что значитъ жить въ Церкви и особенно, что значитъ жить для Церкви... Отъ этого только коллективная соціальная жизнь стала способна затирать церковную. Въ дѣйствительности—жизнь церковная есть высшая коллективная, истинно человѣческая, жизнь, гармонируемая и направляемая самимъ Богомъ. Жить въ Церкви – значитъ жить всей полнотой этой коллективности, наполняемой Божественнымъ духомъ. Жить для Церкви— это значитъ вести въ мѣру данныхъ силъ всю міровую работу этой Божествен-

но-человѣческой коллективности. Ничего нѣтъ выше и отраднѣе, ничего нѣтъ для человѣка болѣе всепоглощающаго, и тѣ, которые живутъ этой церковной жизнью —не могутъ быть уже ничѣмъ отъ нея отторгнуты.

У насъ нынѣ есть довольно распространенное мнѣніе, будто бы истинная религіозная жизнь требуетъ отдаленіе отъ людей, чтобы пребывать съ однимъ Богомъ. Но условія религіозной жизни, условія, при которыхъ мы можемъ жить съ Богомъ, не могутъ быть измышляемы нами самовольно. А Богъ самъ указалъ, что способъ быть съ нимъ—это быть въ Церкви. Значитъ—намъ тутъ нечего измышлять свои особые пути къ Богу.

Понятно, что есть и чисто *личное* общенье съ Богомъ. Люди для того созданы, чтобы поискать и найти Бога. Такое исканіе, въ первой стадіи своей, есть дѣло единоличное, и Богъ отвѣчаетъ на исканіе, выходитъ на встрѣчу ищущему, открываетъ Себя ему. Это путь непосредственнаго Богопознанія, при которомъ человѣкъ уединяется въ нѣкоторое молитвенное состояніе. Та же личная молитва составляетъ и для нашедшаго Бога—не-

обходимое условіе поддержанія религіозной съ Нимъ связи. Но это личное общеніе съ Богомъ не исчерпываетъ религіозной жизни, ибо Самъ Господь направляетъ неофита въ Церковь Свою, указываетъ ему мѣсто въ Своемъ Тѣлѣ, гдѣ онъ освящается, а также становится участникомъ Божественнаго дѣла въ родѣ человѣческомъ... и даже болѣе, ибо есть указанія, что дѣло церкви связано и съ борьбою небесныхъ и преисподнихъ духовныхъ силъ. Не участвуя въ этой церковной жизни—положительно невозможно жить съ Богомъ.

Ошибочно было бы вспоминать монаховъ и святыхъ пустынниковъ въ оправданіе стремленія къ религіозной изолированности. Святые отшельники, пустынники, столпники и т. д. уходили не отъ Церкви, а *отъ міра сего*, отъ соціальной среды, какъ таковой. На это были и имѣются весьма законныя причины въ исторіи Церкви.

Царствіе Божіе, принесенное церковью, стало, мало по малу, охватывать, подобно неводу, весь міръ, забирая и добрую и негодную рыбу. Жившая первое время замкнуто въ своей собственной средѣ,

Церковь, судьбами Божія Промысла о спасеніи всего, къ спасенію способнаго, стала жить въ «мірѣ». Позволительно вспомнить слова Апокалипсиса: «живешь тамъ, гдѣ престолъ Сатаны».... Мірскіе элементы со всѣхъ сторонъ прихлынули къ Церкви, и это множество сорныхъ травъ оставлены Господомъ расти среди пшеницы до суднаго дня.

Въ эти то времена, когда неводъ Божій сталъ охватывать весь міръ, развивается пустынничество. Монахи удалялись изъ міра, охватывающаго Церковь, точно такъ же какъ она охватывала міръ. Но пустынники стремились жить именно въ церкви, въ своемъ церковномъ уголкѣ, откуда жестокія условія суровыхъ лишеній изгоняли всѣ мірскія сорныя травы. Это было не удаленіе отъ Церкви, а напротивъ стремленіе возсоздать первобытную христіанскую церковную общину, вести совмѣстную во Христѣ жизнь, которая и есть церковная жизнь. И кто же больше спасался «вмѣстѣ», во взаимопомощи духовныхъ даровъ, чѣмъ эти пустынники, постоянно служившіе и другъ другу и приходящимъ—обмѣномъ даровъ духовныхъ? Если они удалялись

иногда въ полное уединеніе, то это—молитвенное уединеніе, которое бывало и у Спасителя, но святые пустынники и при этомъ никогда не порывали связи съ церковью. У особыхъ избранниковъ Божіихъ бываетъ выработка Богообщенія въ полной изолированности, какъ у Марка Ѳраческаго. Но это исключительный случай Божьей Воли, которая, конечно можетъ совершать все. И не должно забывать, что у святыхъ, достигшихъ высшихъ духовныхъ даровъ и живущихъ почти не въ тѣлѣ, способы общенія съ коллективностью христіанской Церкви имѣютъ нерѣдко таинственный характеръ, и будучи не зримы для большинства, на дѣлѣ еще болѣе глубоки и могущественны нежели наши обычные способы взаимообщенія. Объ этомъ въ «Житіяхъ» мы имѣемъ немало разсказовъ.

Въ смыслѣ же служенія Церкви, воинствующей въ мірѣ, именно монахи и пустынники дѣлали очень много, являя въ себѣ образчики высокой духовной жизни, и давая находящимся «въ міру» помощь духовныхъ даровъ, которые подчасъ такъ трудно находить на мірскомъ полѣ, заросшемъ плевелами.

Монашество, вообще, никакъ не служитъ примѣромъ религіозной изолированности и индивидуализма. Эта болѣзнь, наоборотъ, свирѣпствуетъ среди живущихъ въ мірѣ, не столько въ Церкви, какъ при своемъ приходскомъ храмѣ, и кое какъ исполняющихъ формальный «долгъ христіанина», какъ это принято выражаться. Да и нужно ли объяснять, какъ мы, въ міру живущіе, чувствуемъ себя одинокими, оскудѣвающими въ способахъ «вмѣстѣ спасаться», если сравниваемъ себя и свое положеніе съ монашеской жизнью? Отъ этой одинокости происходитъ и религіозный индивидуализмъ со всѣми его послѣдствіями.

Огромное, можно сказать, всеопредѣляющее значеніе, которое для личной религіозной жизни имѣетъ церковная коллективная жизнь, дѣлаетъ въ высшей степени важнымъ вопросъ о церковномъ строѣ.

Церковный строй имѣетъ своей задачею достигнуть того, чтобы каждая личность могла сколько нибудь дѣйствительно пребывать членомъ Тѣла Христова. О правильности этого условія религіозной жизни мы нынѣ весьма мало забо-

тимся, а между тѣмъ оно, въ наше время, имѣетъ даже въ цѣляхъ личной религіозной жизни гораздо больше значенія, нежели въ тѣ эпохи когда среди ищущихъ спасенія жили непосредственные ученики Апостоловъ.

Сохраненіе правильности церковнаго строя для члена церкви несравненно болѣе важно, нежели сохраненіе правильнаго политическо-соціальнаго строя для гражданина мірского государства. Граждане, изъ благоразумія и пониманія своихъ интересовъ не должны допускать подрыва нѣкоторыхъ общихъ основъ, явно требуемыхъ законами человѣческой психологіи. Но во всѣхъ вторичныхъ построеніяхъ общественности и государственности граждане совершенно свободны въ выборѣ. Они строятъ сами и для себя, слѣдовательно властны дѣйствовать по своему вкусу и соображенію. Никто не можетъ отрицать ихъ права воздвигать свое общество такъ, какъ имъ, хотя бы и ошибочно, кажется болѣе удобнымъ.

Не таково положеніе члена Церкви въ отношеніи своего церковнаго строя, который опредѣленъ Волей Божіей въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы коллективность людей ста-

ла живымъ Тѣломъ и обиталищемъ Спасителя. Это обиталище должно быть таково, какое угодно имѣть Спасителю. Мы можемъ выйти изъ Церкви, можемъ отказаться служить Спасителю, какъ обиталище Его. Вольно каждому быть съ Богомъ или безъ Бога. Но ужъ если мы желаемъ быть живымъ храмомъ Божіимъ. то должны имѣть между собою именно такія отношенія, такой коллективный строй, какого требуетъ Господь.

Здѣсь наша воля непремѣнно должна быть въ гармоніи съ Волею Божественной, и если бы этого не было, то наша церковь самымъ фактомъ расхожденія съ Богомъ—переставала бы быть церковью.

Эта вселенская, Апостольско-Соборная незыблемость церковнаго строя является необходимымъ условіемъ личной религіозной жизни. Искаженіе этого строя создаетъ практику жизни, противную истинной вѣрѣ, и постепенно пролагаетъ дорогу и къ искаженію догмата. Да и спасающее значеніе догмата вполнѣ зависитъ отъ того, живемъ ли мы и дѣйствуемъ согласно содержанію его формулы.

Невозможно представить, чтобы личность осталась дѣйствительно въ связи съ

Богомъ, если она стала небрежно относиться къ церкви или высокомѣрно полагаетъ, что для нея церковь не нужна. Точно такое же высокомѣріе проявлялось бы въ выборѣ нами какихъ либо отдѣльныхъ сторонъ церковности, и отверженіе другихъ. Сказать себѣ: мнѣ нужно жить въ церкви, потому что она меня пріобщаетъ къ таинствамъ, но управленіе ея мнѣ не нужно—это означало бы, что у разсуждающаго такъ совершенно исчезло понятіе о церкви какъ живомъ Тѣлѣ Христа. Точно также нельзя сказать себѣ: управленіе церковное нужно и должно быть разумнымъ, но мы можемъ сами себѣ придумать формы его не хуже, чѣмъ придумала древняя церковь. Это во всякомъ случаѣ составляло бы разрывъ съ древней церковью, съ Соборами, Апостолами, то-есть—выходъ изъ Вселенской Церкви.

Сверхъ того мы и не можемъ придумать ничего лучшаго. Установить формы такой тонкой организаціи, приспособить общіе законы соціальной жизни къ задачамъ жизни духовной—создать этого люди сами по себѣ не могли бы. Это построеніе, проникнутое элементомъ таин-

ственнаго, могло быть сдѣлано только Богомъ.

Каждый христіанинъ находитъ себѣ въ вѣчныхъ основахъ церковно-созданнаго строя, на каждой стадіи своего духовнаго развитія, наилучшія условія для успѣха, наиболѣе помощи своей духовной жизни. Съ другой стороны онъ, какъ бы ни былъ духовно бѣденъ, все таки что нибудь вноситъ въ церковь. Онъ въ церкви не рабъ передъ кѣмъ бы то ни было, кромѣ Христа. Церковная организація именно и создана для поддержанія такого единства людей, которое требуется духовной жизнью, гдѣ человѣкъ, никогда не выходя изъ Божественной дисциплины, всегда однако остается самостоятельнымъ и сознательнымъ существомъ. Ничего подобнаго люди сами по себѣ не могли бы создать, потому что только благодаря присутствію Христа въ этой коллективности она становится не мечтой, а дѣйствительностью. Если мы попробовали бы создать нѣчто подобное, но безъ реальнаго присутствія Христа, мы получили бы строй либо анархическій, либо деспотическій, не выдерживающій сравненія даже съ нашимъ соціальнымъ строемъ.

Но это непремѣнное присутствіе Божественнаго элемента ограничиваетъ измѣненія церковнаго строя лишь незначительными приспособленіями къ историческимъ или національнымъ особенностямъ. По существу же этотъ строй приспособленъ Всевѣдущей Волей къ законамъ психологическимъ и соціальнымъ, которые вѣчны, такъ что и установленное съ начала Церкви приспособленіе къ нимъ навсегда останется одно и то же.

Намъ, людямъ, невозможно отваживаться перестраивать дѣло Духа Святого. Хранить это построеніе—это для члена церкви не есть какое нибудь внѣшнее юридическое обязательство, подобное соблюденію «конституціи», разъ она установлена. Нѣтъ, это есть сохраненіе необходимыхъ нормъ коллективно-религіозной жизни, оставить которыя значитъ покинуть самую жизнь.

---

## XV.

Въ строѣ церковномъ можно различить двѣ разнородныя, но одинаково необходимыя стороны.

Одна, такъ сказать, внутренняя, необходима для того, чтобы всѣ члены церкви совмѣстно совершали спасеніе, и чтобы каждый изъ нихъ былъ живымъ членомъ Тѣла Господня. Сюда относится все, опредѣляющее священную іерархію, полученіе нами таинственной благодати и поддержаніе нашего состоянія совмѣстнаго спасенія, какъ живыхъ, осмысленныхъ, а не безсловесныхъ овецъ стада Христова: короче вся внутренняя коллективная жизнь церковнаго общества.

Другая сторона церковнаго строя относится къ обезпеченію положенія Церкви въ мірѣ, въ строѣ соціальномъ. Если бы случилось, что чисто человѣческое, соціальное строеніе, въ которомъ человѣкъ поставленъ господиномъ, возобладало надъ Церковью, въ которой Господиномъ можетъ быть лишь Христосъ, то мы бы имѣли уже не Церковь, а только трупъ ея, одолѣнный «вратами Адовыми».

Первая сторона церковности ставитъ задачи духовно-нравственныя. Вторая порождаетъ церковное право.

Какъ я оговаривался выше, церковное коллективное существованіе наше совершается не на правовой, не на юридиче-

ской почвѣ. Въ дѣлѣ жизни духовной, Божественной—элементъ *права* не существуетъ: здѣсь соотношенія естественныя, а не условленныя. Но церковь живетъ «въ міру». Мы въ настоящее время составляемъ не общество святыхъ, а только стремящихся къ святости. Все что достигло духовной жизни живетъ не правомъ, а естественными отношеніями своими къ Богу и между собой. Но огромное количество людей, желающихъ спасенія и ждущихъ его отъ церкви, не способны жить иначе какъ подзаконно, нуждаются въ законѣ, чтобы черезъ него прійти ко Христу. Въ личномъ развитіи человѣка это тотъ фазисъ развитія, который составлялъ достояніе Евреевъ временъ Ветхаго Завѣта. Это привноситъ въ церковную жизнь элементъ юридическій, какъ побочный, но неустранимый.

Сверхъ того церковь живетъ въ средѣ соціальной, основанной на правѣ, и иначе не способной существовать. Отсюда необходимость церковнаго права. Оно имѣетъ своимъ назначеніемъ регулировать отношенія міра къ церкви, установить такое отношеніе соціальныхъ и государственныхъ правъ къ Церкви, чтобы

весь этотъ мірской правовой элементъ не препятствовалъ жизни и работѣ Церкви. Церковное право—это формулировка того, что общество гражданское обязуется не нарушать въ отношеніи Церкви и что должны поддерживать сами члены Церкви въ отношеніи гражданскаго общества, чтобы не допускать послѣднее ставить помѣхи духовной работѣ Церкви.

Очевидно, что поддержаніе незыблемости этого правового элемента, небходимаго для совершенія церковной миссіи въ исторіи смѣняющихся человѣческихъ обществъ — составляетъ также одну изъ важныхъ заботъ каждаго члена церкви, если онъ живъ, а не мертвъ.

---

## XVI.

Мы говорили до сихъ поръ о *строѣ*, который даетъ каждой личности то или иное мѣсто въ церковномъ организмѣ. Для каждой личности, въ интересахъ собственной религіозной жизни, необходимо поддерживать это строеніе, не допускать церковнаго организма до разрушенія, съ которымъ разрушается и ея собственная религі-

озная жизнь. Но этотъ церковный организмъ живетъ не только въ формѣ внутренняго взаимообщенія и взаимодѣйствія этихъ малыхъ «клѣточекъ»—людей. Церковь имѣетъ міровыя задачи, участіе въ которыхъ неизбѣжно для всѣхъ, кто не уходитъ изъ этого великаго Тѣла, не отрывается отъ него въ его движеніи черезъ столѣтія и тысячелѣтія историческаго шествія Церкви среди народовъ и государствъ человѣческаго рода.

Религіозная жизнь личности имѣетъ цѣлью участіе въ Царствіи Божіемъ. Но міровыя цѣли Церкви состоятъ именно въ приготовленіи мѣста для Царствія Божія, которое открывается для нѣкоторыхъ теперь же, а къ концу вѣковъ должно открыться для всѣхъ, призванныхъ къ спасенію, и новой землей и новыми небесами смѣнить нынѣшній міръ.

Эта цѣль осуществляется каждымъ отчасти уже въ процессѣ своей личной выработки. Но Церковь осуществляетъ ее также въ историческомъ процессѣ, охватывая неводомъ Царствія Божія всѣ народы и эпохи, чтобы выбрать всю «добрую рыбу», какая въ человѣчествѣ была, есть и еще должна явиться. Ничто,

годное къ спасенію не должно быть опущено, всѣмъ народамъ должно быть проповѣдано Евангеліе Царствія, всѣмъ должны быть доставлены тѣ средства спасенія, какими располагаетъ Церковь, отъ всѣхъ должны быть отстранены препятствія къ слышанію проповѣди и къ пользованію духовной жизнью. Этотъ огромный историческій трудъ созиданія вселенскаго Тѣла Христова изъ людей всѣхъ племенъ и временъ совершается въ непрерывной борьбѣ съ противодѣйствіемъ злыхъ силъ, съ «тайной беззаконія», замышленной для разрушенія дѣла Божія Промысла, и которая, какъ положительно предупреждаетъ Откровеніе, будетъ имѣть въ Исторіи огромные успѣхи, а побѣждена будетъ только вторымъ пришествіемъ Спасителя, въ минуту кажущагося полнаго торжества зла и страшнаго разгрома истины.

Къ этой непрерывной борьбѣ со зломъ стремящимся сохранить власть надъ міромъ, всѣ христіане призываются какъ «Божіи домостроители», какъ «добрые воины Христовы». Въ этой миссіи Церкви, каждая личность по мѣрѣ силъ, должна принимать участіе. Трудно вы-

числить, какой огромной силы напряженія ума, чувства, любви къ Христу, и къ людямъ, и ненависти къ Началу Зла — требуетъ отъ христіанъ участіе въ исторической миссіи Церкви. Довольно уже указать на всемірную проповѣдь и пріобщеніе всѣхъ народовъ къ Церкви. Но сверхъ того—для борьбы за дѣло Божіе требуется внимательно слѣдить за ходомъ міровой исторіи, чтобы подмѣчать въ ней дѣйствія «тайны беззаконія», и мѣшать ея успѣхамъ. Какъ ученики Христа, такъ и первыя Христіанскія общины имѣли величайшее вниманіе къ ходу великой борьбы. И хотя намъ не дано знать временъ и сроковъ, чтобы мы были каждый часъ готовы встрѣтить Христа, однакоже Откровеніе въ пророческихъ образахъ Апокалипсиса указало въ общихъ чертахъ весь ходъ будущей исторіи Церкви.

Цѣль этихъ откровеній, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы событія не заставали христіанъ неподготовленными, ибо и созиданіе Тѣла Христова въ разныя эпохи, при различныхъ условіяхъ, по необходимости должно сообразоваться съ угрожающими опасностями и съ условіями наибольшаго успѣха.

Но и помимо пророческихъ указаній, нашъ разумъ, наблюденіе, изученіе исторіи, тѣхъ или иныхъ появляющихся доктринъ и т. д. указываютъ намъ въ каждую эпоху и въ каждомъ положеніи — куда направлять усилія, отъ чего защищаться, на что нападать въ интересахъ нашего дѣла. Тутъ открывается огромный трудъ для христіанской мысли, науки и практическаго дѣйствія. И все это — есть служеніе Церкви, исполненіе нашихъ обязанностей, какъ членовъ Тѣла Христова. Не одно богослуженіе въ храмѣ есть служеніе Богу.

Покойный В. Соловьевъ конечно ошибался, говоря о «практической благодати», поскольку это касается невѣрующихъ въ дѣлѣ созданія разныхъ культурныхъ улучшеній человѣколюбиваго характера, разныхъ улучшеній жизни общественной... Но что касается *вѣрующихъ*, то несомнѣнно что иные изъ нихъ получаютъ отъ Бога духовные дары, по преимуществу имѣющіе приложеніе къ чисто практическимъ задачамъ Церкви. Объ этомъ ясно говоритъ Апостолъ Павелъ, и такія мѣста Писанія вѣроятно и подали поводъ В. Соловьеву къ созданію его теоріи. Извѣст-

ное улучшеніе соціальной жизни несомнѣнно входитъ въ обязанность Церкви и ея членовъ, создавая также весьма обширную область попеченія. Христіанство въ этомъ отношеніи сдѣлало очень много въ исторіи, и въ сущности именно имъ, его уроками, его духомъ, подсказаны многія улучшенія, совершенные невѣрующими не по какой либо-особой данной имъ благодати, а просто потому, что всѣ они получали свои первоначальные уроки отъ христіанства.

Но въ той же области культурныхъ улучшеній именно невѣрующими возбуждается огромныя антихристіанскія силы. Помня уроки христіанства о дѣлахъ милосердія, но лишенные благодати, забывъ о Богѣ и о духовной сторонѣ человѣка, невѣрующіе прогрессисты создаютъ культурные идеалы, ведущіе къ полному упадку личности человѣка, ставятъ основной задачей культуры матеріальное благосостояніе, а въ его осуществленіи мечтаютъ замѣнить личность учрежденіями, доходя въ соціализмѣ до превращенія человѣка въ безличное колесо, чисто механическаго экономическаго строя. Во всѣхъ этихъ идеалахъ уродли-

во копируется Церковь, съ замѣной всеживотворящаго Бога какой-нибудь механической или вообще матеріальною силою. Тутъ чувствуется дѣйствіе «тайны беззаконія», стремящейся отнять у человѣчества христіанство подражаніемъ внѣшности его духа. Позволю себѣ повторить свои же слова изъ статьи «Соціальные миражи».

«Въ понятіяхъ XVIII-го вѣка объ обществѣ явно матеріализированное воспоминаніе о церкви. Съ церкви скопировано представленіе объ обществѣ, какъ о нѣкоторой коллективности, опредѣляемой исключительно духовной стороной человѣка. Космополитизмъ новаго общества, таинственная народная воля, будто бы насквозь его пронитывающая, всѣмъ непонятно управляющая и при всѣхъ частныхъ ошибкахъ остающаяся непогрѣшимою—все это отголоски христіанской церкви. Это на всѣхъ пунктахъ царство не отъ міра сего, втискиваемое въ невмѣщающія его рамки сего міра». Въ дальнѣйшемъ развитіи эта фальсификація пошла еще дальше въ соціализмѣ, который замѣнилъ и самый духовный элементъ человѣка чистой матеріей, ри-

суя идеалъ общества, гдѣ и Богъ и духъ замѣнены матеріальнымъ «процессомъ производства», все чисто механически приводящемъ въ гармонію. Но на этой почвѣ подмѣны христіанства создаются и иные обманы. Мы уже видѣли въ разныхъ доктринахъ появленіе «Души народовъ», «Коллективнаго Человѣчества» и т. д. Мы видимъ выступленіе буддизма, помышляющаго о побѣдѣ надъ христіанствомъ, при чемъ онъ, въ Японіи, напримѣръ, уже и старается опереться тоже на «культурный прогрессъ». Вся эта огромная область не только «лжеученій», но «лжедѣйствій», требуетъ отпора со стороны христіанства, которое должно стоять на стражѣ того, чтобы подъ флагомъ культуры и улучшенія формъ жизни не подготовлялось порабощеніе людей духу зла, «Князю міра», отбивающаго людей отъ Бога ужъ конечно не для того, чтобы дать имъ взамѣнъ хотя бы чисто матеріальное, животное счастье.

Огромная работа стоитъ, такимъ образомъ, передъ Церковью, долженствующею провести Царствіе Божіе черезъ тысячелѣтія міровой борьбы, и членъ Тѣла Христова можетъ ли не участвовать

въ этой работѣ, если онъ только живъ, а не мертвъ? Дѣятельная солидарность съ задачами Церкви въ міровомъ процессѣ борьбы добра и зла, Христа и Антихриста, есть также часть нашей жизни во Христѣ, если мы не принадлежимъ къ тѣмъ, о комъ сказано: «Ты носишь имя, будто живъ, но ты мертвъ», «Знаю дѣла твои: ты ни холоденъ ни горячъ... изблюю тебя изъ устъ Моихъ», и «Ты говоришь—я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды, а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ и нищъ, и слѣпъ и нагъ»...

---

## XVII.

Многое бы можно сказать еще о работѣ личности въ церкви. Но я думаю, что и сказаннаго достаточно для показанія того, отъ чего бѣдна, суха и неудовлетворительна для насъ наша религіозная жизнь.

Она стала *индивидуалистична*, болѣе индивидуалистична, чѣмъ дозволяется истиннымъ религіознымъ чувствомъ для его жизненности. Церковность—величайшее проявленіе человѣческой коллективной

жизни—такъ сузилось, что стала въ глазахъ многихъ бѣднѣе государственности. Что такое значитъ жить въ государствѣ и для государства—это ясно. А что значитъ жить въ Церкви и для Церкви—закрылось передъ очами... Но развѣ такъ можно жить религіей христіанской? Сообразимъ хотя въ общихъ чертахъ сложную по содержанію, великую по задачамъ, глубокую по захвату духа нашего, полную труда по многоразличной работѣ—жизнь нашу, какою она *должна быть* въ Церкви, со Христомъ: если мы сопоставимъ съ этимъ *нашу* дѣйствительную, такъ называемую религіозную, жизнь, то страхъ беретъ. Съ Богомъ ли мы, живя такъ, какъ живемъ? А если съ Богомъ нельзя такъ быть, то многаго ли стоятъ наши религіозныя «исканія», въ которыхъ мы говоримъ «Господи, Господи», а того что Господь указываетъ—упорнѣйше не творимъ? Развѣ можетъ тутъ не являться томленіе духа, и блужданія? Мы беремъ изъ Церкви такъ мало помощи и сами вносимъ въ жизнь Тѣла Христова до такой степени мало, что сами создаемъ въ себѣ полное оскудѣніе даровъ Божіихъ и сами себя лишаемъ жизни во Христѣ.

Мы, говорятъ, «ищемъ Бога»... Но Бога можно найти только тамъ, гдѣ онъ находится, то есть, въ Церкви и въ жизни Его жизнью. Одно слово «религія», «церковь»—не поможетъ. Только входя всѣми фибрами существа нашего—у кого какое есть—въ эту одухотворенную «надъ-соціальную» среду, которая есть Тѣло Христово, человѣкъ находитъ свое истинное помѣщеніе, ощущаетъ, себя «дома», въ своей настоящей средѣ. Но быть въ ней—значитъ жить всей жизнью этого Тѣла Христова, получать отъ него притокъ духовныхъ соковъ, передавать ему умноженный талантъ свой, участвовать, по свойству полученнаго дара, въ животворной дѣятельности, охватывающей и судьбы малѣйшаго изъ человѣковъ, и судьбы народовъ, и судьбы всего міра. И если мы ничего этого не беремъ и не даемъ, то мы не живемъ религіозной жизнью!

Несомнѣнно, что самая миссія Церкви въ мірѣ перемѣшиваетъ христіанъ съ множествомъ фиктивныхъ, мертвыхъ членовъ Церкви. Это порождаетъ подавляющую тяготу, отъ которой была свободна древняя церковь. Но чѣмъ сложнѣе

положеніе, тѣмъ болѣе внимательно должно заботиться, чтобы оно не подавило насъ, не сдѣлало мертвыми и тѣхъ, которые хотятъ быть живыми.

Чѣмъ хуже мы себя чувствуемъ въ религіозномъ отношеніи, тѣмъ настоятельнѣе нужно вспомнить, что духовная жизнь личности требуетъ *дѣйствительнаго* церковнаго единенія, не на словахъ и по формѣ, а на дѣлѣ, въ смыслѣ участія во всей полнотѣ ея жизни. Тѣ, которые имѣютъ это участіе—и въ наше время чувствуютъ себя удовлетворенными, своимъ примѣромъ указывая путь для всѣхъ, желающихъ быть дѣйствительными христіанами. И это путь—тотъ самый, который указанъ былъ намъ Христомъ.

БИБЛІОТЕКА